

Я.И. Гилинский,
yakov.gilinsky@gmail.com

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ: проблематизация проблемы

Аннотация: В статье с позиций современного конструктивизма рассматриваются в качестве социальных конструктов девиантность и ее проявления: преступность, организованная преступность, коррупция, наркотизм, терроризм, гомосексуализм, порнография, проституция. Названы субъекты, стадии и некоторые последствия социального конструирования.

Ключевые слова: конструктивизм; девиантность; социальный конструкт; преступность.

Девиантность создается обществом.
Говард Беккер

Классификация и оценка — основа
интеллектуальной деятельности
человека. Мы сами создаем мир
вокруг себя.
Нильс Кристи

Осознание того, что многие привычные общественные явления не что иное, как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия¹. «Рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно различные “реальности”»².

¹ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. New York: Doubleday, 1966.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 11.

Есть два подхода в социальных науках: 1) *объективистский* (социальные феномены и соответствующие социальные проблемы — преступность, наркотизм, проституция, коррупция и др. — существуют объективно) и 2) *интеракционистский* (социальные проблемы конструируются обществом — властью, общественным мнением, СМИ). «Внутри» интеракционистского (=конструктивистского) подхода существуют два направления. Согласно одному (*строгому, феноменологическому*), в обществе нечто («*предполагаемое*»³) существует (люди убивают друг друга, воруют друг у друга, потребляют наркотики, кончают жизнь самоубийством), но *это* становится *проблемой* в результате конструирования *этого* как *проблемы*. Как верно заметил В.А. Ядов⁴, конструктивисты-радикалы мыслят в соответствии с «теоремой Томаса»: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям»⁵. Согласно другому, мягкому (*контекстуальный конструкционизм*), конструируется проблема с учетом *социальных условий*. «Каждая социальная проблема состоит из объективного условия и субъективного определения... Социальные проблемы — это то, что люди считают социальными проблемами»⁶.

Я полагаю, что конструируются как сами социальные феномены («преступность», «наркотизм», «проституция», «терроризм», «коррупция» и др.), так и результат их осознания как проблемы («*проблематизация*» феномена). Другое дело, что конструирование происходит на основе «объективных условий». Так, в СССР были и торговля наркотиками, и их потребление («наркотизм» как конструкт), и проституция (конструкт «проституция»), и весьма развитая коррупция (конструкт «коррупция»), но по идеологическим причинам их *как бы* не было, они были якобы только в «капиталистическом обществе». Следовательно, ни проституция, ни наркотизм, ни коррупция не были *проблемами* в СССР, что усвоило общество вслед за государством и его пропагандой. Эти феномены-конструкты не были *проблематизированы*. И так — вплоть до

³ Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. Menlo Park, 1977.

⁴ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. 2-е изд. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 18.

⁵ Thomas W. Das Kund in Amerika // Person und Sozialverhalten. Neuwild, 1965. S. 114.

⁶ Fuller R., Myers R. Some Aspects of a Theory of Social Problems / American Sociological Review. 1941. February. Vol. 6. P. 24–32. См. также: Tibbetts P. The Sociology of Scientific Knowledge: The Constructivism Thesis and Relativism // Philosophy of the Social Science. 1986. Vol. 16. P. 39–57.

реально-анекдотического: «У нас секса нет!». С другой стороны, теперь «Нам непрерывно навязывают многообразные конструкции российской действительности, равно как и образы врага»⁷.

Взгляд на *девиантность* и ее различные проявления как определенные *конструкты*, «изготовленные» в процессе *реагирования* общества на нежелательные виды поведения, преобладает в современной социологии девиантности и является, с нашей точки зрения, весьма продуктивным, смягчающим необоснованно жесткое противопоставление «мы» и «они». Процесс конструирования девиаций (с помощью политических решений, общественного мнения, статистики, средств массовой информации — СМИ и др.) подробно описан во многих трудах⁸. Роли СМИ в процессе конструирования девиаций посвящен раздел «Медиа и конструкция преступлений и девиантности» в сборнике статей «Социология преступности и девиантности»⁹. Более того, конструктивистский подход к социальным реалиям все чаще реализуется в иных областях социологии, например, в социологии потребления¹⁰.

Применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму: *ex senatus consultis et plebiscitis crimina exercentur* (преступления возникают из сенатских и народных решений). Любопытное наблюдение мы встречаем у Кампанеллы. В «Городе Солнца» (1623) Томмазо Кампанеллы (1568–1639) нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации. «Поэтому, так как нельзя среди них (жителей Города Солнца. — Я.Г.) встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, — они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, лень, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы,

⁷ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. С. 17.

⁸ Curra J. *The Relativity of Deviance*. SAGE Publications, Inc., 2000; Goode E., Ben-Yehuda N. *Moral Panics: the Social construction of Deviance*. Blackwell Publishers, 1994; Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) *The Oxford Handbook of Criminology*. 4th Edition. Oxford University Press, 2007. P. 179–340; Petrovec D. *Violence in the Media*. Ljubljana: Mirovni Institut, 2003; Pfuhl E., Henry S. *The Deviance Process*. 3rd Edition. New York: Aldine de Gruyter, 1993.

⁹ Caffrey S., Mundy G. (Eds.) *The Sociology of Crime and Deviance: Selected Issues*. Greenwich University Press, 1995.

¹⁰ Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб.: СПбГУ, 2008.

либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка»¹¹. Итак, в «перевод» на язык современной девиантологии: определенные социально-экономические условия позволяют избавиться от деяний, ныне признаваемых преступными, но тогда общество *конструирует* новый набор проступков, подлежащих наказанию; при этом меры «наказания» достаточно либеральны и не связаны ни с отнятием жизни, ни с лишением свободы. Впрочем, утопия она и есть утопия...

Преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт, и по мнению Бенедикта Спинозы (1632–1677). «В естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию. <...> В естественном состоянии нельзя представить себе преступления; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в заслугу»¹².

Однако в современной девиантологии и криминологии признание преступности и иных проявлений девиантности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделится многими западными учеными¹³. Это четко формулируют германские криминологи Хесс и Шеерер¹⁴: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность — социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Халсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»¹⁵.

¹¹ Кампанелла. Город Солнца. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 40.

¹² Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 554.

¹³ Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River, 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime // SAGE. 1996. P. 13.

¹⁴ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

¹⁵ Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. № 10. P. 63–80.

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. *Преступность* не существует в природе, это выдумка (*invented*) людей», — пишет М. Робинсон¹⁶.

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов¹⁷. А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: «Преступности не существует» (*Crime does not exist*)¹⁸.

Криминология как социология преступности — наиболее развитая отрасль (элемент) социологии девиантности (девиантологии). Поэтому не удивительно, что именно в криминологии полнее всего представлена конструктивистская парадигма.

Каковы же основные положения конструктивистских представлений о преступлении, преступности и криминологии?¹⁹

Во-первых, «преступление не онтологическая реальность», о чем говорилось выше.

Во-вторых, «криминология увековечивает миф о преступности». Думаю, все же не наука (криминология) увековечивает этот миф, а власть и общество. Хотя криминология, следуя реальности, «соучаствует» в этом.

В-третьих, «“преступность” включает много мелких проступков». Дело в том, что «преступление» — это всегда очень серьезное деяние, причиняющее значительный вред. Между тем уголовный закон криминализирует множество незначительных проступков, а их субъекты подвергаются последствиям признания их проступков «преступлением». Так, наличие ст. 130 УК РФ «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» превращает всех (почти всех) жителей России, включая автора этих строк, в уголовных преступников... Большинство уголовных законов в современном мире не скупится на превращение граждан в преступников. Неслучайно согласно массовым опросам населения США, от 91% до

¹⁶ *Robinson M.* Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004. P. 2.

¹⁷ *Christie N.* A suitable Amount of Crime. P. 10–11.

¹⁸ *Ibidem.* P. 1.

¹⁹ См.: *Hilliard P., Pantazis Ch., Tombs S., Gordon D.* Beyond Criminology: Taking Harm Seriously. Pluto Press, Fernwood Publishing, 2004. P. 11–18.

100% респондентов подтвердили, что им приходилось в течение жизни совершать то, что уголовный закон признает преступлением (данные Уоллестайна и Уайля, Маргина и Фицпатрика, Портфельда, и др.).

В-четвертых, «“преступность” исключает (не включает. — Я.Г.) многие серьезные деяния, причиняющие тяжелый вред». В качестве примера авторы приводят многочисленные корпоративные преступления, домашнее насилие, преступления полиции и т. п., которые оказываются *de jure* или *de facto* вне уголовной ответственности. Отечественный пример: в уголовном законе современной России, милиция которой славится массовым применением пыток²⁰, отсутствует «применение пыток» в качестве самостоятельного состава преступления. Стыдливо спрятанные в ч. 2 ст. 302 УК, пытки предполагают ответственность, если они применены для «принуждения к даче показаний». А во всех остальных бесчисленных случаях их применения — из мести, по пьянке, в качестве «наказания», по садистским мотивам?

В-пятых, «сконструированность “преступлений”». Отсутствие четких (онтологических!) критериев того, что же по своему содержанию является «преступлением», приводит к тому, что оно оказывается всего-навсего «конструктом», более или менее искусственным. Канадский криминолог John Hagan рассматривает преступления и девиации как «континуум (протяженность) вариаций» (*«continuosus variable»*). Он, на основании опроса, попытался проранжировать (от 0 до 100) степень воспринимаемой населением опасности, тяжести различных видов «отклонений» и получил шкалу от «прогулов 16-летних школьников» (0,2 балла) и «бродяжничества» (0,3 балла) до «изнасилования» (52,8 балла) и «закладывания бомбы в общественное здание, в результате взрыва которой погибло 20 человек» (72,1 балла)²¹. Сколько баллов «необходимо и достаточно», чтобы признать отклонение преступлением?..

²⁰ Насилие в органах внутренних дел: иллюстрации к докладу. М.: Общественный Центр содействия судебной реформе. 1997; Пытки в России: Хроника 1988–1998 гг. // К праву. Информационный бюллетень. 1998. Вып. 5; Пытки в России: «Этот ад, придуманный людьми». Международная амнистия, апрель 1997; Российский «Абу-Грейб». Предварительный доклад о кризисе в системе ГУИН (весна 2004 года). М., 2004; Российский «Абу-Грейб-2» (Кровавые дни и ночи Льгова). Доклад Общероссийского общественного движения «За права человека» о состоянии содержания заключенных в России в 2004–2005 г. М., 2005; Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород, 2007.

²¹ Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and Its Control. New York: McGraw Hill, 1985.

В-шестых, «криминализация и наказание причиняют боль». Это известное положение Нильса Кристи о том, что уголовное правосудие есть процесс причинения боли, и пользоваться этим допустимо лишь в крайних случаях²².

В-седьмых, ««контроль над преступностью» не эффективен». Социальная практика XX века с двумя мировыми войнами, «холодной войной», сотнями локальных войн, гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, холокостом, геноцидом, правым и левым экстремизмом, терроризмом, фундаментализмом и т. д., и т. п. — разрушила все иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля (кто-то из современников заметил: человеческая история разделилась на «до» Освенцима и «после»). Постмодернизм в социологии конца XX в., начиная с Ж.Ф. Лиотара и М. Фуко, приходит к отрицанию возможностей социального контроля над девиантными проявлениями. «Победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной... Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»²³. Со второй половины XX в. пришло понимание неэффективности традиционных средств и методов противодействия преступности, «кризиса наказания»²⁴. И, наконец, известное положение Н. Лумана: «Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля».

В-восьмых, «легитимизация “преступности” ведет к экспансии контроля над преступностью». Смысл этого тезиса состоит в том, что все большая *криминализация* различных деяний (признание их преступными) и нагнетаемый популистскими политиками и СМИ «страх перед преступностью» и последующая «моральная паника»²⁵ приводят ко все большей *репрессивности* полиции и уголовной юстиции, расширению их деятельности, нередко за счет ограничения прав человека, ко все большему вовлечению людей в жернова уголовной юстиции, к росту тюремного населения, к «призонизации» поведения и сознания масс населения²⁶.

²² Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985.

²³ Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 192, 193.

²⁴ Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo; London, 1974; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. 3rd Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C. Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. New York: Random House, 1996; и др.

²⁵ Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. St. Albans: Paladin, 1973.

²⁶ Подробнее см.: Гилинский Я. Наказание в системе социального контроля над преступностью. В: Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики. СПб.: ЛГУ, 2008.

Наконец, в-девятых, «“преступность” служит поддержанию (сохранению) властных отношений». Так, уголовное право ведет к сохранению коллективной безответственности в коридорах власти при пренебрежении к индивидуальным поступкам и поведению «улицы». Это увековечивает такие структурные детерминанты нежелательного поведения, как бедность, социальная депривация (неравенство доступа к социальным благам; психологический дискомфорт, вызванный пониманием этого), огромное неравенство между богатыми и бедными, «включенными» («*included*») и «исключенными» («*excluded*») из активной экономической, политической, социальной, культурной жизни. При этом растет заинтересованность «индустрии контроля над преступностью» в криминализации деяний. Политики используют «преступность» в целях мобилизации электората для поддержки своих партий. В целом «преступность» способствует сохранению властных отношений. Криминализация все новых и новых деяний воспроизводит в массовых масштабах «козлов отпущения», столь удобных объектов реализации известной парадигмы власти — «Разделяй и властвуй». Разумеется, это относится не только к криминализации, но и ко всем видам конструирования «врагов» — наркоманов, гомосексуалистов, «лиц кавказской национальности», «понаехавших тут», бомжей и несть им числа (вспомним «безродных космополитов», «убийц в белых халатах» и просто — «врагов народа»).

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть*.

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в последнем издании Оксфордского пособия (руководства) по криминологии²⁷. *The Oxford Handbook of Criminology* включает четыре главы раздела «Социальное конструирование преступности и социального контроля»:

1. *Правовое* конструирование преступности.
2. *Политики* права и порядка (группы интересов, группы давления и т. п.).
3. Сведения о преступности и *статистика*.

²⁷ Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) *The Oxford Handbook of Criminology*. 4th edition. Oxford University Press, 2007. P. 179–337. См. также: *Young J.* *The Vertigo of Late Modernity*. SAGE Publications, 2007.

4. Media-made criminality («медиа-делание преступности»).

Это в целом отражает этапы проблематизации и легализации конструкта «преступность».

Основные *субъекты* конструирования и проблематизации девиантности — власть (режим), «общество» (партии, общественные движения и организации и др.), СМИ.

Можно выделить несколько *этапов* в процессе конструирования девиантных проявлений: наличие множества однородных фактов; осознание их как проблемы («проблематизация»); легитимация проблемы (включая криминализацию и «деликтивизацию»); социальная реакция на феномен-проблему (социальный контроль); последствия (результаты). Определенные стадии конструирования выделяют Г. Блумер, Спектор и Китсьюз.

Как происходит конструирование одной из современных (начиная с середины 80-х гг. XX в.) разновидностей преступности — «преступлений ненависти» («*Hate crimes*»), т. е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств (афро-, испано-, арабо- и азиатскоамериканцев, евреев, геев и лесбиянок и т. п.), показано в книге американских криминологов²⁸. В этом конструировании («“Hate crime” is a social construct») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Роль политического режима в конструировании преступности и иных социальных девиаций обозначена мною в одной из работ²⁹. А участие СМИ в конструировании преступности и иных девиантных проявлений рассмотрена в монографии И.Г. Ясавеева³⁰. Процесс конструирования «коррупции» прослежен в диссертационном исследовании И. Кузнецова³¹.

Очень важно видеть и понимать *последствия* конструирования *нечто* как негативной девиации и — соответственно — социальной проблемы. Помимо названных выше (по P. Hilliard, Ch. Pantazis, S. Tombs, D. Gordon), следует назвать конкуренцию между социальными

²⁸ Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

²⁹ Гиллинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим // Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 39–65.

³⁰ Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

³¹ Кузнецов И.Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование. Дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2000.

ми проблемами (наркотизм — пьянство, «беловоротничковая преступность» — «организованная преступность»). Это нашло отражение в концепции «публичных арен» Хилгартнера, Боска (1988): конкуренция между различными определениями реальности обусловлена конфликтом стилей жизни (Бергер, Лукман), сфер компетенции (Фуко, Бурдьё). Ибо различные определения реальности представляют практическую опасность для институционального порядка, который легитимизирован при помощи определенной системы представлений о «правильном» социальном устройстве.

Конкуренцию проблем успешно использует власть в своих интересах. Так, в современной России государственные структуры, а вслед за ними послушные СМИ неустанно пугают население страшилками о наркотиках и наркоманах как «угрозе национальной безопасности». Для защиты этого лозунга уголовной ответственностью «за пропаганду наркопотребления» грозят всем, кто придерживается иной точки зрения. А о массовой алкоголизации населения предпочитают помалкивать. Между тем, именно повальная алкоголизация таит угрозу обществу: его генофонду, производительности труда, безопасности граждан (свыше 60–70% убийств, причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований совершается в состоянии алкогольного опьянения и 0,4–0,6% — в состоянии наркотического опьянения...).

Теоретико-эмпирические исследования, демонстрирующие и обосновывающие различия между идеологически проповедуемыми и реальными «опасностями», представлены в ряде отечественных диссертационных исследований³².

С моей точки зрения, *вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей*. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы — есть результат социальной *конструкции*, договоренности

³² *Мацкевич М.Г.* Наркотизм как предмет социологического исследования. Дисс... канд. социологич. наук. СПб., 2006; *Мейлахс П.А.* Социальная рефлексия наркотической ситуации в Санкт-Петербурге. Дисс. ... канд. социологич. наук, СПб., 2007; *Теплоухова О.В.* Экспертные суждения о риске потребления алкоголя, табака и наркотиков в контексте трансформации общества. Дисс. ... канд. социологич. наук, Владивосток, 2005.

законодателей «здесь и сейчас» (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Голландии, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т. д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека — пламя, огонь, некоторые языки которого признаются — обоснованно или не очень — опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов).

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, девиантности в частности, совершенно произвольно³³. Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний не причиняют вреда другим, а потому криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта³⁴.

Итак, сторонники понимания девиантности как «реагирующей конструкции» исходят из того, что общество и государство, считая необходимым *реагировать* на те или иные социально значимые поведенческие формы, *конструируют* вид очередного «козла отпущения» — «мафия», «наркотизм», «гомосексуализм», «коррупция», «терроризм» и т. п.

Конечно, за этими «этикетками» скрываются некие объективные реалии, формы человеческой жизнедеятельности и их носители, субъекты действий. Но общественная или государственная оценка этих проявлений девиантности, само отнесение определенных форм деятельности к *девиантным* — результат сознательной работы властных, идеологических институтов, формирующих общественное сознание.

Рассмотрим кратко, лишь в качестве иллюстрации, некоторые вопросы конструирования отдельных видов девиантности.

³³ См., например: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории // Теория общества: Фундаментальные проблемы. М.: Канон-Пресс-Центр, 1999. С. 292–306.

³⁴ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965.

Организованная преступность

Ст. 35 п. 4 УК РФ дает уголовно-правовое (и, с моей точки зрения, крайне неудачное) определение преступного сообщества (преступной организации), что совершенно недостаточно для понимания *организованной преступности* как сложного социального феномена. Насколько понятие «организованная преступность» — социальный *конструкт* и как долго не было достигнуто согласие по его поводу, свидетельствуют хотя бы следующие факты.

1) В мировой криминологической литературе есть три различных модели организованной преступности: этническая или локальная; иерархическая; организованная преступность как предпринимательство, бизнес.

2) Многие российские криминологи до конца 80-х — начала 90-х годов не признавали наличие организованной преступности в стране.

3) Профессор В. Юстицкий вообще отрицает научную обоснованность этого понятия: «В современных условиях, когда деятельность любой публичной или частной институции неизбежно связана с нарушениями уголовного закона, понятие “организованная преступность” оказывается синонимом понятий “общество”, “государство”, “социальная действительность”, “социальное явление”». И как вывод: «Понятие “организованная преступность” выполняет социальную функцию “персонификации общественного зла”». Следует отказаться от понятия «организованная преступность» как криминологического и уголовно-правового, признав его бытовым понятием³⁵. В целом с проф. Юстицким можно согласиться. Только традиция заставляет нас не отказываться от этого термина³⁶.

А разновидность преступной организации — мафия — давно стала ее синонимом, расхожим термином, применяемым преимущественно в быту.

Коррупция

Во всем мире отсутствует обоснованное и единообразно понимаемое понятие «коррупция». Имеется множество эмпирически известных ее проявлений (от взяточничества до российского блата). Различные ав-

³⁵ Юстицкий В. Организованная преступность — смена парадигм // Преступность и криминология на рубеже веков / Ред. Я. Гилинский. СПб., 1999. С. 46, 47.

³⁶ Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 236–249.

торы по-разному понимают «коррупционные преступления»: понятно, что к ним относится получение взятки (ст. 290 УК РФ). А дача взятки (ст. 291 УК)? А злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК)? А превышение должностных полномочий (ст. 286 УК)? А присвоение полномочий должностного лица (ст. 288 УК)? А служебный подлог (ст. 292 УК)? Всегда ли эти деяния — проявление (или способы) коррупции? А сколько проявлений коррупции не криминализировано? Каких и почему?

Я уже не говорю о легальной коррупции — «кормлении».

Наркотизм

Наркотизм как социальное явление, выражающееся в потреблении некоторой частью населения наркотических и токсических средств и соответствующих последствиях, — классический пример *искусственного* социального конструкта. Алкоголь по своему воздействию на центральную нервную систему тоже наркотик. Почему его потребление не входит в объем «наркотизма»? Различие чисто юридическое: потребление алкоголя легально (не всегда и не везде, вспомним мусульманские страны), а наркотиков — нелегально (не всегда и не везде, напомним о современных Нидерландах).

Производные каннабиса, кокаин, галлюциногены не дают физической зависимости в отличие от алкоголя³⁷. Почему алкоголь легализован, а перечисленные наркотические средства запрещены?

Какие средства признаются наркотическим? Ведь их список меняется от страны к стране, от одного времени к другому. Сегодня потребление наркотиков в России популистскими политиками и СМИ признается едва ли не «угрозой национальной безопасности». А до мая 1928 г.в стране не было запрета на оборот *наркотиков*. Фактически существовало индифферентное отношение к наркопотреблению и наркотизму как социальному явлению. Лишь в 1934 г.устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индийской конопли.

Еще и еще раз: власть, режим решает, что и когда объявить «незаконным», а популистские политики, некоторые общественные и религиозные организации, СМИ внедряют в сознание населения «что такое хорошо, и что такое плохо». Или — создают «козлов отпущения», на которых так удобно списывать просчеты и неудачи собственной

³⁷ Santino U., *La Fiura G.* Behind Drugs. Edizioni Gruppo Abele, 1993. P. 36.

социальной политики (о преступниках как «козлах отпущения» см. подробнее книгу А.М. Яковлева «Теория криминологии и социальная практика»³⁸).

Терроризм

И страшный терроризм — тоже социальный конструкт. Можно соглашаться или нет с определением терроризма в ст. 205 УК РФ, но сущность этого явления остается за рамками уголовного закона. На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание еще W. Laqueur: «Один — террорист, другой — борец за свободу»³⁹. Че Гевара — террорист или борец за свободу? Чеченские боевики — террористы или борцы за свободу (*свою* свободу)? Сказанное не преследует цель «оправдания» терроризма и террористов, от чьих рук гибнет множество ни в чем не повинных людей. Но задуматься о сущности *терроризма*, о том, что он, как правило, является ответом на государственный *террор*, — не лишне. Я уже не говорю о том, как конструкт «терроризм» помогает властям решить свои задачи по ограничению демократических свобод.

Гомосексуализм

Хотя гомосексуальное поведение лишь разновидность сексуального поведения и, — не сопряженное с насилием, — не является преступлением, однако советское государство умудрилось долгие годы преследовать добровольный мужской гомосексуализм (мужеложство) как преступление.

После октября 1917 г. новая российская власть, для утверждения которой немало сделала демократическая, революционно настроенная студенческая молодежь и интеллигенция, пыталась какое-то время сохранить имидж прогрессивности, либерализма, демократичности. В декабре 1917 г. была отменена уголовная ответственность за гомосексуальную связь, не предусматривалась уголовная ответственность за гомосексуализм и в Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. В первом издании Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) 1930 г. говорилось: «Понимая

³⁸ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. С. 17–29 и др.

³⁹ Laqueur W. Terrorism. London: Weidenfeld and Nicolson, 1977. P. 79.

неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину... на носителей этих особенностей... Наше общество... создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее»⁴⁰.

С постепенным утверждением в стране тоталитарного режима принципиально меняется отношение ко всем «пережиткам капитализма», «чуждым советскому народу». Резко меняется отношение и к гомосексуализму. В 1934 г. вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм (с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет). В 1936 г. народный комиссар юстиции РСФСР Н. Крыленко сравнил гомосексуалистов с фашистами и иными врагами большевистского строя (надо ли напоминать, что в гитлеровской фашистской Германии гомосексуалистов уничтожали физически). Во втором издании БСЭ мы можем прочесть: «В советском обществе с его здоровой нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным... В буржуазных странах, где гомосексуализм представляет собой выражение морального разложения правящих классов, гомосексуализм фактически ненаказуем»⁴¹.

В современных цивилизованных странах преступен не гомосексуализм, а гомофобия — преследование гомосексуалистов по мотивам ненависти или вражды к представителям «нетрадиционной ориентации», наряду с другими преступлениями ненависти. У нас же гомофобия не наказуема, что позволяет властям Москвы, Санкт-Петербурга и других городов запрещать какие бы то ни было протестные действия гомосексуалистов, выступающих за равноправие и против дискриминации.

Порнография

Ст. 242 и 242.1 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за различного рода действия, связанные с распространением порнографических материалов, предметов, изображений. При этом ни в России, ни где-либо в мире нет признанного определения понятия «порнография» и ее критериев⁴². Такого общепринятого определения

⁴⁰ Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1930. Т. 17. С. 594–598.

⁴¹ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1952. Т. 12. С. 35.

⁴² Вот одно из определений, предлагаемое Википедией: «Порнография (с греч. *πόρνος* — разврат и *γράφω* — пишу, рисую, описываю) — непосредственное, вульгарно-натуралистическое изображение или словесное описание половых органов и полового акта (коитуса), имеющее целью сексуальное возбуждение».

и быть не может, поскольку каждое время, каждое сообщество, каждая конфессия имеет свои представления о дозволенном и недозволенном в сексуальных отношениях и их изображении. Иначе говоря, предусмотрена уголовная ответственность за то, неизвестно что...

Однако репрессивная политика властей (прежде всего Государственной Думы), подогреваемая и раздуваемая популистскими политиками и СМИ, привела к тому, что население страны готово поддерживать любые действия «против порнографии», включая запрет и уничтожение выставок произведений живописи, литературных произведений, кинопродукции.

Проституция

И это, казалось бы, такое «очевидное» явление — социальный конструкт. Так, называют «храмовую проституцию», которая вовсе не была проституцией, поскольку не преследовала цели наживы, а была религиозным ритуалом. И когда бабушки на лавочке говорят «проститутка» о девушке, у которой меняются кавалеры, они, вероятнее всего, не правы, поскольку речь, скорее всего, идет об отношениях, основанных на чувстве, а не деньгах. С другой стороны, никто не назовет «проституткой» даму, женившую на себе богатого старца. Я уже не говорю о проститутирующих политиках, журналистах, да и ученых.

И отношение к проституции в сфере сексуальных отношений различно в разных обществах и в разное время. Так, в 20-е годы в советской России вполне терпимо воспринимали *проституцию*. Меры социального контроля сводились в основном к попыткам реабилитации женщин, вовлекаемых в сексуальную коммерцию, путем привлечения их к труду и повышения образовательного и профессионального уровня. А вот в 30-е годы сворачивается система социальной реабилитации женщин, занимавшихся проституцией, на смену приходит репрессивная политика по отношению к ним. С другой стороны, поскольку проституции в советском обществе якобы нет, появился эвфемизм «женщины, ведущие аморальный образ жизни»⁴³. И никакой проституции!

В правоприменительной деятельности возникают вопросы: что такое — *непосредственное*? Что есть *вульгарно-натуралистическое*? А если цель не сексуальное возбуждение? А если эта цель не достигается? А если в результате «вульгарно-натуралистического» изображения наступает *отвращение*, а не возбуждение?

⁴³ См., например: Горяинов К.К., Коровин А.А., Побегайло Э.Ф. Борьба с антиобщественным поведением женщин, ведущих аморальный образ жизни. М., 1976.

Наконец, еще один сюжет, связанный с проблемой конструирования девиантности в том или ином обществе. Релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость — все эти свойства преступности и других видов девиантности заставляют думать о них как о культурном феномене, как об элементе культуры.

Имеется множество определений культуры. Нам представляется наиболее общим и отвечающим своему предмету понимание культуры как способа человеческого существования, способа человеческой деятельности⁴⁴. Культура включает также объективированные результаты этой деятельности. Культура служит наиболее общим внебиологическим механизмом накопления (аккумуляции), хранения и передачи (трансляции) информации, выполняя тем самым функцию социального наследования.

Для нашей темы важно, что при таком — не аксиологическом — понимании культура включает не только «позитивные», одобряемые способы деятельности, но и «негативные», порицаемые, не только «образцы культуры» со знаком «+», но и со знаком «-». В культуру входят способы технического, научного, художественного творчества, но и способы взлома квартиры (с помощью «фомки» или «слоника» или путем отжима ригеля), нормы христианской морали, но и нормы воровской культуры (субкультуры), не только лучшие образцы мирового зодчества, но и надписи на заборах...

Каждое общество имеет ту преступность (виды преступлений, их качественное своеобразие), те разновидности девиантности, которые соответствуют культуре данного общества, являются ее элементом. В современных странах Западной Европы вряд ли кто из психически нормальных людей воспользуется таким способом убийства, как колдовство, или таким способом причинения вреда здоровью, как «сглаз». Компьютерные преступления возможны только в обществах соответствующей «информационной» культуры. В российскую культуру традиционно интегрирована культура «блатная», тюремная (начиная от знаменитых «Гоп-со-смыком» и «Мурки» и кончая творчеством С. Есенина, В. Высоцкого, А. Галича и др.). Культура «подсказывает» образцы поведения, образцы разрешения конфликтов, жизненных коллизий (перестать встречаться, «выяснить отношения», вызвать на дуэль, по-

⁴⁴ Маркарян Э.С. 1) Очерки теории культуры. Ереван: АН Армянской ССР, 1969. С. 66; 2) Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М., 1983.

кончить жизнь самоубийством, запить, украсть, поменять место работы и др.). Культурно обусловлены не только характер и способы совершения преступлений, но и применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание.

Конечно, конструктивизм в девиантологии — не единственно возможный концептуальный подход. Очевидно, принципиально невозможна разработка «единственно правильной» теории. Вообще я сторонник мультипарадигмальности в науке. Но конструктивизм эвристичен, позволяет по-новому оценивать те или иные девиантные проявления, а также стратегию и тактику социального контроля над ними.